

Цзян Фэнмянь и Не Фэн, казалось, завершали какое-то упражнение — возможно, даже успели принять стойку для медитации. Поразительно, поразительно, действительно стремятся к совершенству. Ведь они провели в Облачных Глубинах всего несколько месяцев, после чего все разъехались по домам. Они не из семьи Лань, так зачем им так тщательно соблюдать чужие правила?

Чи Хуэй задумалась: правил у семьи Лань и вправду многовато. Патриарх Лань даже приглашал её остаться в клане, и ей действительно стоит хорошенько это обдумать.

После того как зачитали свод правил семьи Лань, сегодняшние занятия завершились. Едва Лань Суннянь вышел, напряжённые нервы юношей наконец расслабились, и они с облегчением выдохнули.

Цзян Фэнмянь подошёл к Чи Хуэй, а Вэй Чанцзэ почтительно стоял позади него. Цзян Фэнмянь улыбнулся:

— Мой отец жаждет талантов. Надеюсь, вы серьёзно обдумаете моё приглашение.

— К тому же в Юньмэне правил куда меньше, чем у Лань, — подхватил Вэй Чанцзэ. — Наша семья Цзян ценит открытость, прямоту, бесхитростность и свободолюбивый дух. Разве это не больше подходит вашему характеру?

Чи Хуэй подумала: «Этот Вэй Чанцзэ, оказывается, даже проницательнее своего господина, сразу попал в точку». Она начала обращать на него больше внимания, хотя и помнила: некоторые лишь кажутся обходительными, а на деле ищут выгоду, льстят и таят кинжал за пазухой. Нужно продолжать наблюдать.

— Благодарю вас, господин Цзян и господин Вэй, за ваше расположение, — ответила Чи Хуэй.
— Я обязательно подумаю.

На второй день начались официальные занятия. Все ученики облачились в белые учебные одеяния семьи Лань, и Чи Хуэй не стала исключением. Хотя индивидуальность каждого была скрыта, общий вид получился весьма эфемерно-небесным. К счастью, им не нужно было носить их фирменные налобные ленты, поскольку они не считались официальными последователями учения.

Учёба шла своим чередом, день за днём, скучно и однообразно. Цзян Фэнмянь и Вэй Чанцзэ часто после занятий приглашали Чи Хуэй прогуляться, обменяться впечатлениями, рассказать о ночной охоте в родных краях. Иногда они были вдвоём, иногда присоединялись брат с сестрой Юй Фэйпэн, но те двое были совершенно неинтересны. Брат обычно молчал, а сестра говорила исключительно с язвительностью. При этом Юй Цзыюань, казалось, очень хотела быть рядом с Цзян Фэнмянем и неизменно вклинивалась в их компанию, а следом за ней являлись её брат и две служанки. Цзян Фэнмянь был спокоен и учтив, Юй Цзыюань — резка и напориста. Люди с абсолютно противоположными характерами — и что она только задумала?

Лань Цижэнь, случалось, натёкался на эту смешанную компанию, весело болтающую, и снова

принимался читать наставления о правилах семьи Лань: о раздельном обучении мужчин и женщин, о недопустимости близкого общения и прочем. Чи Хуэй лишь улыбалась, слушая его, а когда он заканчивал, мастерски пародировала, как Лань Цижэнь на церемонии посвящения в ярости кричал: «В Облачных Глубинах запрещено шуметь!» — с полным попаданием в интонацию и манеры. Остальные ученики покатывались со смеху, даже Юй Фэйпэн с сестрой не могли сдержать улыбок. Лань Цижэнь лишь гневно хмурился и уходил.

Чи Хуэй взмахнула рукавом — и перед Лань Цижэнем возникла каменная стена. Он чуть не врезался в неё, но вовремя остановился и вновь взорвался:

— Чи Хуэй, что ты делаешь?! Запрещено практиковать порочные пути! Это первая заповедь семьи Лань!

— Смотрите-ка, совсем не умеет держать себя в руках, — сказала она. — Сам твердишь, что в Облачных Глубинах нельзя спешить и шуметь, а сам — бегаешь и кричишь.

Она растворила иллюзию стены.

— Всего лишь мираж, видимость, можно увидеть, но нельзя потрогать. Простой фокус. С чего бы это стало порочным искусством? Разве я кого-то им обидела? Разве порочность определяется не целью применения? Если я использую его для спасения людей, это тоже будет порочным?

Кто-то из присутствующих кивал, кто-то качал головой — единого мнения не было. Лань Цижэнь тоже не нашёл, что возразить, и удалился.

Чи Хуэй смотрела ему вслед:

— Видали? И это называют манерами семьи Лань? Лет ему почти как нам, а вид — будто старик, пушок над губой ещё не вырос. Неужели собирается, как дядя, бороду отращивать?

Вэй Чанцзэ, подражая Лань Сунняню, проговорил, поглаживая воображаемую бороду:

— Негоже за спиной судить о людях.

Ученики снова рассмеялись.

— Ваши иллюзии и вправду заняты, — сказал Цзян Фэнмянь. — Неужели этому научила вас Вольный практик Баошань?

— Наставница не учила меня этому, — ответила Чи Хуэй. — Я сама из книг в свободное время подчёрпнула.

Она присела на ближайший камень, сорвала травинку и начала её вертеть в пальцах.

— По сути, это сродни миражу в пустыне. Я просто переносу образы вещей, которые видела. Это не реальные объекты. Я ещё не доросла до создания иллюзий из чистого воображения, а

уж тем более — до материализации предметов из ничего.

Все наперебой заявили, что хотят научиться. Чи Хуэй рассмеялась:

— Я же говорила — это моё коронное, хлебное мастерство. Стану я его просто так раздавать? Ха-ха-ха...

Лань Цичжи, хоть и был патриархом, оставался молод, а дел по управлению кланом было невпроворот. Многие ложились на плечи Лань Сунняня, включая поддержание связей с другими семьями. Поэтому во время учебного курса у него не каждый день находилось время на преподавание. В его отсутствие занятий не было — самое радостное время для учеников.

За горным массивом Облачных Глубин протекал ручей. Чи Хуэй позвала туда Цзян Фэнмяня и остальных порыбачить. Брат с сестрой Юй тоже были там — где Цзян Фэнмянь, там и Юй Цзыюань. Две её невероятно расторопные служанки не отходили от госпожи ни на шаг. Эти девочки были до того проворны, что, когда в них не было нужды, становились словно невидимками, а когда госпоже что-то требовалось, они понимали всё с полувзгляда.

Подростки, полные юношеской непосредственности, общались без преград, сдружившись за это время. Даже мелкие трения между их семьями были позабыты. Если бы кто-то сказал, что Чи Хуэй, «приехавшая из гор», совершенно не ведает о «чувствах между мужчиной и женщиной», это было бы неправдой. К определённом возрасту такие вещи становятся понятны сами собой. Чи Хуэй знала, что Юй Цзыюань нравится быть рядом с Цзян Фэнмянем, хотя тот сам никогда с ней не заговаривал первым. Но и ей самой нравилось проводить время с Цзян Фэнмянем. Да и Вэй Чанцзэ ей нравился, даже вызывал больше симпатии, потому что тот всегда незаметно подстраховывал своего господина. Когда Цзян Фэнмяню нужно было проявить себя, Вэй Чанцзэ оставался в тени, добросовестно выполняя роль слуги. Когда же от него требовалось выступить, он делал это с достоинством, без подобострастия. Их отношения были чем-то средним между господином и слугой, братьями и друзьями — поистине завидными.

Конечно, Чи Хуэй нравилась и Юй Цзыюань, хоть та и говорила часто едко. Она лишь подшучивала над ней, но никогда не мстила, лишь отмахивалась с фирменным для клана Юй высокомерным пренебрежением. Что до её брата, то он, кажется, вообще не открывал рта — словно его единственной задачей было следить, чтобы сестру не обидели, хотя та сама казалась скорее обидчицей. Впрочем, если вспомнить, Чи Хуэй тоже её «доставала», а брат даже не шелохнулся. Видимо, он не был таким уж несносным, как о нём рассказывали.

Наконец, поймав несколько рыб, юноши нанизали улов на палки и принялись жарить. Жирная рыба шипела на огне, и аппетитный аромат заставлял слюнки течь. Те, кто ходил за фазанами, ещё не вернулись. С питанием в семье Лань дела обстояли так себе — всё либо зелёное, либо белое, сплошь коренья да кора. Немного дичи было желанным разнообразием.

Лань Цижэнь, должно быть, пришёл, учуяв запах. Видимо, усвоив урок, он не стал кричать. Он шёл спокойно и размеренно:

— В Облачных Глубинах запрещено убивать живых тварей.

Он выглядел так, словно поймал их на месте преступления.

— Возвращайтесь. Каждый перепишет свод правил трижды.

Чи Хуэй, ухмыляясь, сняла с вертела одну из готовых рыб и поднесла её к самому носу Лань Цижэня:

— Малыш Цижэнь, а пахнет-то как, а?

Рукава её были засучены, лицо покраснелось от жара костра и было размазано угольной пылью. Она улыбалась, глядя на него. Белое одеяние семьи Лань ей очень шло, оттеняя лицо, подобное цветку лотоса на снегу.

Лань Цижэнь опустил глаза и молчал. Возможно, запах был слишком соблазнительным — он сглотнул слюну. Солнечный свет падал на его лицо, длинные ресницы отбрасывали тонкие тени. Губы были плотно сжаты, над верхней губой виднелся лёгкий, нежный пушок, нос — прямой. Он был невероятно красив.

Чи Хуэй моргнула, не убирая рыбу, и перевела взгляд на его налобную ленту.

— Мне любопытно, малыш Цижэнь. Ты носишь эту ленту постоянно. Летом на лбу, наверное, остаётся белая полоска? Даже если случайно забудешь её надеть, никто не заметит, правда?

Она протянула левую руку, делая вид, что хочет потрогать.

— Дай посмотреть?

Лань Цижэнь поспешно поднял руку, чтобы прикрыть ленту, и отклонился назад. Но Чи Хуэй лишь сделала ложное движение и уже убрала руку.

— Ха-ха-ха, я не посмею трогать! Говорят, ваши налобные ленты — великая ценность семьи Лань, и тот, кто до них дотронется, станет вашим человеком. А я ведь тебе как старшая... Ха-ха-ха.

Лицо Лань Цижэня залилось краской.

<http://bllate.org/book/15280/1348921>